Крепость Тирпиц. Апартаменты принца Ойген и адмирала Хиппер.

Эта ночь для Лелуша была не самой лучшей, на самом деле, это была его худшая ночь. Поскольку его нельзя было посадить в камеру из-за того, что он превратиться в Манджу, принц Ойген решила запереть его в птичьей клетке в своей комнате. Довольно неудобное место для проживания. Что ещё хуже, так это то, что он не мог выразить свое разочарование, поскольку адмирал Хиппер в настоящее время не знала, что Лелуш был Манджу, и он хотел бы, чтобы это так и оставалось.

И всё же вчерашние события заставили его встревожиться. Здесь были не только их культисты и коллаборационисты, но и Камден Лок, на самом деле была Графом Шпее. Она много знала об этой операции, и любое собщение, которое она отправит, может поставить всё под угрозу. Он беспокоился не о Кансен Железнокровных, а о других людях. Если кто-нибудь из Королевского флота или высшего командования Железной Крови узнает о том, что он делает, тогда они сделают всё, что в их силах, чтобы положить этому конец, и попытаются сместить его с поста командующего. Это не тот результат, которого ему хочется достичь.

Чем скорее он поговорит с Бисмарк и передаст ей ключ карту, тем лучше. Ему лишь нужно выбраться из этой чёртовой клетки. Но он не мог вырваться, поэтому всё, что он мог сделать, это ждать, пока принц Ойген проснется, чего он не очень-то хотел ждать, но, к сожалению, должен был. Ну что ж, по крайней мере, он сможет немного поспать, он мог бы поспать и больше, но внезапно обнаружил, что падает на чью-то грудь, чью-то плоскую грудь.

“Dummkopf!” – услышал сердитый вскрик Лелуш, когда обнаружил, что его схватили, швырнули в стене и прижали к ней. Хорошо, что он был крепким, как Манджу.

“Опять ты храпишь, - сказала принц Ойген, а Лелуш сполз по стене. - Ты знаешь, что я говорила тебе о храпе”.

“Сколько раз я должна тебе повторять, я не храплю!” - закричала Хиппер, швыряя подушкой в Ойген. Ойген легко отклонилась в сторону и подушка пролетела мимо неё. Но она попала в Лелуша, который как раз отходил от падения, и тут из ниоткуда появилась подушка и врезалась в него.

“У меня есть запись твоего храпа, - сказала Ойген с ухмылкой, подошла к Лелушу и взяла его на руки. Смотри, ты напугала Манджу”.

“Ты кинула его мне на грудь! - закричала Хиппер: - Зачем ты вообще притащил сюда эту извращённую птицу?”.

“Бисмарк сказала мне следить за ним, так что это моё задание, - ответила Ойген. - К тому же он ещё не сделал с тобой ничего извращенного. Ну, по крайней мере намеренно, - сказала она, и начала душить его своей грудью.

Лелуш использовал всю свою силу воли, чтобы не закричать ей, чтобы она замолчала, она лишь ухудшала его положение. Если бы здесь была лишь Ойген, тогда он поделился бы с ней своим мнением, но это было не так, поэтому ему пришлось хранить молчание. Тем не менее, Ойген, похоже, нравится дразнить свою сестру. Это заставило его задуматься а, где ещё трое? Зейдлиц никто не видел с момента её манифестации, Блюхер, судя по сообщениям, находилась в состоянии депрессии, а Лютцов была продана Северному парламенту. Нехорошо разлучать со братьев и сестёр, но это было не в его власти, эти события произошли задолго до того, как он появился в этом мире, и он сомневался, что у него хватит сил собрать их всех вместе. В конце концов, некоторые вещи просто невозможно исправить.

В любом случае, он надеялся, что сегодня он наконец-то сможет поговорить с Бисмарк наедине. Слишком много времени было потрачено впустую, и чем дольше он оставался здесь, тем опаснее тут становилось. Кто-то уже пытался убить его, и он подозревал, что будут ещё попытки покончить с его жизнью.

“Ну, какова бы ни была причина, пожалуйста, держите его подальше от меня и моего нижнего белья, - потребовала Хиппер. – Могу поклясться, эти птицы продолжают красть мои трусики”.

Серьезно, трусики? С какой стати он станет красть женское нижнее белье? Конечно, у него не было никакого способа спросить у неё это, не раскрывая того, что он не Манджу, а человек, который может превратиться в одного из них, что приведёт только к тому, что его снова бросят или пнут, а этого он испытал было более чем достаточно для одной жизни.

“Возможно, ты продолжаешь класть их не в те места”, - сказала Ойген, положила Лелуша обратно в птичью клетку и начала переодеваться в свою униформу. За ней последовала раздраженная Хиппер.

После того, как они оделись, Ойген отнесла его в столовую, всё ещё в птичьей клетке. Довольно неловко и неприлично с её стороны, даже Нанналли хихикнула, когда они проходили мимо неё. Очевидно, она находила это забавным, что было одной из немногих хороших вещей, которые из этого получились. Видеть, как его сестра снова улыбается, после всего, через что она прошла, заставляло его чувствовать себя намного лучше. Пусть это и было вызвано тем, что он был птицей, застрявшей в птичьей клетке.

После того, как они позавтракали, завтрак Лелуша состоял из нескольких ломтиков хлеба, Ойген приступила к своей дневной работе, всё время таская его с собой. Он был вынужден повсюду следовать за ней, когда она занималась своими делами. Это продолжилось вплоть до того момента, когда Бисмарк наконец вызвала Ойген в свой кабинет.

Когда Ойген внесла Лелуша в кабинет Бисмарка, он впечатлился увиденным. Уютный, но при этом очевидно было, что это кабинет военного. Из общего стиля выбивался лишь граммофон в углу. Сама же Бисмарк сидела за своим столом, а перед ней лежало несколько листков бумаги.

“Вы звонили, коммандант?” Спросила Ойген, проходя перед Бисмарк.

Бисмарк, же, казалось была довольна тем, что Лелуш сидит в птичьей клетке, наверно потому, что это позволяло ей держать его там, где она хотела, зная, что он убежит. “Ойген, спасибо, что привела Лелуша сюда”, - сказала она с улыбкой.

“Могу я сказать, что мне не нравится, когда со мной обращаются как с домашней птичкой, запертой в клетке”, - нахмурившись, сказал Лелуш, обрадовавшись, что он наконец-то снова может говорить.

“Прошу прощения за эти методы, использованные для вашего удержания, Лелуш, - сказала Бисмарк, - но у нас нет ничего другого, что могло бы удержать Манджу. В конце концов, наши камеры не были предназначены для содержания птиц”.

Лелуш вздохнул: “Просто убедись, что ты найдешь способ превратить меня обратно в человека, хорошо?”, - сказал он, что было ложью, поскольку он прекрасно знал, что не они превратили его в человека.

“Не волнуйся, я заставила Ноймарк работать над этим, - сказала Бисмарк. - Но, пока мы точно не выясним, как нам удалось превратить тебя в Манджу, мы не сможем добиться никакого

прогресса”, - сказала она, и повернулась к Ойген. - Ойген, подожди снаружи, я не позову тебя обратно”..“Понятно”, - сказала Ойген с ухмылкой, повернулась и вышла, наконец оставив Лелуша наедине с Бисмарк.

“А теперь, Лелуш, у меня есть к тебе несколько вопросов, - сказала Бисмарк, вставая и обходя стол, направляясь к бару с напитками. - Например, как моряку торгового флота, удалось не только победить меня, но и стать командиром Азур Лейн?”.

“Долгая история, - ответил Лелуш, - Очень долгая история. К тому же у меня тоже есть к вам несколько вопросов”.

Бисмарк достала бокал и налила себе выпить “Всему свое время, Лелуш. В конце концов, у нас есть много времени, чтобы поговорить об этом, - сказала она, поворачиваясь к нему со стаканом в руке - Всё время этого мира”.

Лелуш кивнул, и кратко изложил своё прошлое, включая такие важные детали, как смерть его матери и отправка в Японию вместе с его сестрой, страдающей параличом конечностей, но с некоторыми изменениями. Бисмарк не была готов узнать правду о его прошлом, поэтому он рассказал ту же историю, что и Кансен Королевского флота, о том, что его мать была убита Сиренами, за ней через несколько лет последовала его сестра, а затем и его отец. Это была не правда, но ложь была настолько близка к ней, насколько он мог сделать её таковой, зная, что его сестра на самом деле жива. Затем он продолжил объяснять события, которые привели к его вербовке Худ в Королевский флот, пропустив битву против Бисмарк, поскольку она уже знала об этом, а также оборону Азур Мэйн, поскольку это была большая новость, которую знал весь мир. После этого больше нечего было добавить, кроме рассказе о его конкуренте, Оуэне, человеке, который уничтожил бы Азур Лейн, если бы принял командование, и того, почему было бы очень плохой идеей позволить ему стать командиром.

“О, он не похож на того, кого я хотел бы видеть командующим Азур Лейн, - заметила Бисмарк, слушая его. - Он действительно сделал это с Единорог?” спросила она, вспоминая его рассказ о том, как он бросил Уни в воду, а затем накричал на неё.

Лелуш кивнул: “Боюсь, что так. Нет ни одного Кансен, которому он бы нравится, из-за того, что он оскорбляет каждую Кансен на базе, а ещё и некоторых других. Вы бы поверили, что он пытался убрать мемориал Аризоны и заменить его статуей самого себя?”.

Глаза Бисмарка широко распахнулись: “Майн Готт! Какой ужасный человек. Я рада, что ты командир. А мы вроде как поставили твое положение под угрозу превратив тебя в Манджу, - сказала она, получив кивок от Лелуша. - Ах. Я собираюсь сказать Ноймарк, чтобы она поторопилась с поиском способа превратить тебя обратно в человека. Знаешь, теперь, когда я думаю об этом, возможно, мне не следовало посылать Рун ловить тебя. Если бы она случайно убила тебя там, в Баренцевом море, то этот Оуэн, о котором ты говоришь, уже был бы командиром Азур Лейн, - сказала она, нахмурившись. - Думаю, я была настолько ослеплена своей ненавистью к тебе, что забыла предусмотреть последствия своих действий”.

“Действительно. Ненависть может быть как благословением, так и проклятием, - сказал Лелуш. - Иногда она может помочь вам достичь ваших целей, а иногда, ослепить. Кажеться, вы не так уж плохо, воспринимаете это. Я ожидал, что вы будете немного более агрессивны по отношению ко мне”.

“Фридрих умеет утешить, - спокойно сказала Бисмарк, делая глоток своего напитка. - Именно благодаря ей я преодолела ненависть к вам, из-за которой не разгадала ваш план, загрузить

серийный эсминец с Кансен, - сказала она с лёгкой улыбкой - Если бы ты не превратился в Манджу, я бы предложила вам перекинуться с ней парой слов. Но я должна предупредить вас, что она относится к каждому Кансен в Железной крови как к своим детям. Так что, если она называет тебя мой ребенок, то не волнуйся, ты не единственный, кого она так называет".

“Я заметил, - сказал Лелуш, уже отметив эту особенность Фридриха. А также несколько других вещей: “Я лишь надеюсь, что ты сможешь превратить меня обратно в человека. Но, прежде чем мы продолжим, не могли бы вы принести мои туфли? Пара, в которой я прибыл сюда”.

”Ваши туфли? - спросила Бисмарк в замешательстве: - Зачем они вам нужны? Вы не сможете надеть их в будучи птицей”.

“Я знаю, но они мне нужны не для этого, - сказал Лелуш. - В них скрыто что-то, что я хочу вам показать”.

“Показать мне, - сказала Бисмарк в замешательстве. - Но мы проверили твою одежду, в ней ничего не было”.

“Это значит, что я очень хорошо это спрятал”, - сказал Лелуш с улыбкой.

Бисмарк посмотрела на него, подошла к двери и открыла её. С того места, где он стоял, он мог видеть только Ойген, стоящую снаружи: “Ойген, не могла бы ты сходить за туфлями Лелуша, теми, в которых он прибыл”.

“Как пожелаете, - сказала Ойген с ухмылкой. - Но я должна спросить, зачем? Они не подойти ему сейчас, и они, конечно же, не подойдут вам”.

Бисмарк вздохнула: “Просто иди и принеси их, - сказала она. Ойген ухмыльнулась, и ушла за туфлями Лелуша. Затем она снова повернулась лицом к Лелушу - Лучше бы для этого была веская причина, Лелуш. Я не люблю, когда моё время тратится впустую”.

“Не волнуйся, этого не случится, - сказал Лелуш, прежде а затем раздался стук в дверь. Это не могла быть Ойген, так как она только что ушла. Лелуш держал рот на замке, когда Бисмарк подошла к двери и открыла её, за дверью, улыбаясь, стояла Фридрих дер Гроссе.

“Дитя моё, могу я войти?” - вежливо спросила Фридрих.

“Эм, конечно”, - сказала Бисмарк с неловкой улыбкой, позволив Фридрих войти и осмотреться.

PR кораблю не потребовалось много времени, чтобы заметить Лелуша, запертого в птичьей клетке. “Итак, почему вы всё ещё заперты? - спросила она, подходя к клетке и открывая ее. Лелуш мог только поднять на нее смущенный взгляд, прежде чем медленно выйти из клетки на стол - Вот так, не нужно бояться”.

“Есть ли причина, по которой ты хотела видеть меня, Фридрих?” спросилв Бисмарк в замешательстве.

”Есть, - сказал Фридрих с улыбкой, и повернулась к ней. - Но я думаю, что наш маленький друг уже рассказал тебе об этом, не так ли, Лелуш?" спросила она, наклонив голову в сторону Лелуша.

Глаза Лелуша широко распахнулись от этого откровения. Как, чёрт возьми, она узнала, что он теперь Манджу? Даже Бисмарк была удивлен этим: “К-как вы узнали об этом?” Спросила

Бисмарк, на её лице застыло потрясенное выражение.

“Лейпциг сказала мне, - ответила Фридрих. - Бедная девочка случайно проговорилась, когда я утешала её после столкновения с Ойген и у неё случился приступ паники. Она всё ещё беспокоится, что Ойген ненавидит её за то, что она встала у неё на пути и врезалась в неё. Это не её вина, что она рассказала об этом мне, поэтому я согласилась держать это в секрете”.

О, что ж, это объясняло, как она узнала, о том что он Манджу. На мгновение он забеспокоился, что она знает о его прошлом, как и Синано. Ему достаточно одной женщины, которая умеет возиться со снами в мультивселенной.

“Хорошо, значит, ты знаешь, что я превратился в птицу, - сказал Лелуш, поскольку необходимость скрывать свое присутствие отпала. - И всё же, почему ты здесь?”.

Прежде чем Фридрих успел ответить, вернулся принц Ойген, с туфлями Лелуша: “Бисмарк, я вернулся с, о, Фридрих. Что ты здесь делаешь?”.

“Не волнуйся, она знает, что Лелуш - Манджу”, - сказал Бисмарк. - А теперь закрой дверь. Я не хочу, чтобы кто-то еще мешал нам”, - сказала она и дождалась, пока Ойген закроет дверь. А затем повернулась к Лелушу: - Хорошо, я взяла твои туфли, что теперь?”.

“Оторви каблук,” - спокойно ответил Лелуш, получив удивленный взгляд Бисмарка, в то время как Фридрих выглядел невозмутимой.

“Ты хочешь, чтобы я сорвала каблуки с твоих туфель”, - сказал Ойген с ухмылкой. - Тогда ладно”, - сказала она, и сорвала каблуки. У правого ботинка под подошвой ничего не было, но в левом ботинке было, что-то в виде пластиковой коробки размером с кредитную карту с ключ картой внутри. Все три Кансена посмотрели вниз на карточку-ключ. Бисмарк и принц Ойген удивились, когда увидели её и узнали, что это такое.

“Это ключ-карта Железной крови для протокола Кастиэль”, - удивленно сказал Ойген, совсем не ожидая, что эта карта будет спрятана в его ботинке.

Бисмарк могла лишь смотреть на карточку, заключенную в пластиковую оболочку, открыв рот от шока и задаваясь вопросом, не спит ли она? Это не могло быть реальностью, Лелуш ни за что бы не принес ключ карту, необходимую для активации протокола Кастиэль, способного поставить всех Кансенов в мире под контроль Азур Лейн.

“Действительно, дитя моё, нам предоставлено средство освободится от этой войны, - сказала Фридрих с улыбкой. - Мы больше не будем вынуждены вести войну, которую мы не можем себе позволить вести. Мы можем вернуться к тому, для чего мы были созданы, защищать человечество от Сирен, а не убивать друг друга из-за мелкой ссоры, произошедшей не по нашей вине”.

Бисмарк продолжала смотреть на карточку-ключ, наклонилась и подняла ее. “Я рекомендую вам поспешить в Гамбург, - сказала Фридрих. - Ваше присутствие там, будет…” внезапный и громкий взрыв остановил её на полуслове, за ним последовало ещё несколько.

“Что, черт возьми, это было?” - спросила Бисмарк, оглядываясь в поисках источника взрыва.

“Бомбы, - сказал Лелуш, его сердце бешено колотилось в груди. - Кто-то бомбит нас”.

С потрясенными глазами три Кансен проявили своё <Снаряжение>, для того, чтобы защитить

себя и свои корабли. Бисмарк и Фридрих проявили свои <Снаряжение>, и Лелуш увидел, насколько велико и чудовищно <Снаряжение> Фридрих. Как будто к ее спине были прикреплены две большие металлические змеи. Принц Ойген, с другой стороны, не смогла этого сделать, как раз в тот момент, когда она собиралась проявить своё <Снаряжение>, она закричала, схватившись за грудь, и рухнула на пол.

“Ойген! - Закричала Бисмарк, бросаясь к ней - Ойген, ты в порядке!?”.

Ойген несколько секунд лежала на земле, тяжело дыша, и подняла глаза на Бисмарка: “Мой корабль, он поврежден. Я не могу проявить своё <Снаряжение>”.

“Что! Они уже проникли в док! - ахнула Бисмарк, потрясённая тем, что бомбы уже упали в защищенный док: “У Королевского флота нет ничего, что могло бы проникнуть в это место”.

“Это не Королевский флот, это Королевские ВВС”, - сказал Лелуш, глядя в потолок и представляя, как как бомбардировщики Королевских ВВС летят над крепостью, неся гораздо более тяжёлый груз, чем может нести любой самолет, используемый Кансен Королевского флота.

Были слышны еще несколько взрывов, один прозвучал очень близко к их нынешнему местоположению. Он сотрясая комнату, в которой они находились, и поднял пыль: “Как, чёрт возьми, они нашли нас! - Спросил Ойген, когда она, поднялась на ноги: - Где сигнализация? Почему до сих пор никто не забил тревогу?”.

“Я не знаю, - ответила Бисмарк, и открыла дверь. Снаружи царил полный хаос, персонал базы в панике бросился к своим постам, испуганные голоса спрашивали, что происходит, а раненые и мертвые лежали в коридоре, создавая препятствия тем, кто пробегал мимо: “Но мы должны выяснить! Ойген, отведи Лелуша в безопасное место! Его защита теперь является главным приоритетом!”.

Ойген кивнул: “Да, коммандант!” - сказала она, подбежала к Лелушу и подняла его.

Фридрих нахмурилась, когда Бисмарк повернулся к ней: “Боюсь, я должен остаться здесь, дитя мое. Моё снаряжение слишком велико, чтобы передвигаться по коридорам, пока они находятся в таком состоянии. Я буду всем мешать”.

“Понятно, - нахмурившись, сказала Бисмарк. - Я пойду в командный центр. Кто-то там не можем выполнить свою работу!” - заявила она, и повернувшись и выбежала, по направлению к командному центру.

Фридрих посмотрела ей вслед, и повернулась к Ойген: “Я рекомендую вам отвести его в нижнюю часть здания. Там, будет безопаснее, - объяснила она. - Иди быстрее, со мной ничего не случится”.

Ойген кивнула, и выбежала с Лелушем на руках. Мчась мимо персонала базы, она бросилась к лестнице. К сожалению, бомба взорвалась над ближайшей шахтой, и завалила ей большой кучей обломков, а это означало, что им придётся искать ту, которая была дальше. Проносясь мимо людей, в то время как бомбы продолжали взрываться и сотрясать комплекс.

“Как они наносят такой большой ущерб этому месту? спросил Лелуш, пока Ойген нес его: - Разве защита не должна была включиться автоматически?".

”Я не знаю, - ответил Ойген. - Может быть, это как-то связано с человеком, который…" -

сказала она, прежде чем что-то взорвалось над ними, в результате чего потолок над ними рухнул. Юджин подняла глаза, чтобы увидеть падающие обломки, прежде чем присесть, чтобы защитить Лелуша своим телом, хотя это мало что дало бы. Несколько секунд она стояла там, ожидая, что на нее посыплются обломки, но этого не произошло.

“Ойген, ради Готта, шевелись!” - прокричала Рун.

Ойген и Лелуш подняли глаза и увидели, что Рун стоит над ними, удерживая потолок от падения своим . “Мы не можем держать это вечно!” крикнула Рун, изо всех сил пытаясь удержать потолок.

Ойген кивнула, и промчалась мимо, убираясь с дороги, чтобы Рун смогла выйти. “Рун, давай!” - сказала она, поворачиваясь к PR кораблю.

“Я не могу, - ответила Рун сквозь стиснутые зубы. Мы - единственное, что поддерживает этот потолок. Одно моё движение, и весь коридор рухнет. Иди! Мы будем держать так долго, как сможем”.

Евгений нахмурилась, кивнула и побежала к ближайшей лестнице.

Лелуш был удивлен, тем что Рун жертвовала собой, чтобы не дать потолку упасть на них. Из того, что он узнал о ней, она не была похожа на человека, который мог бы сделать такое. Полагаю, он был не совсем прав насчёт неё, и она была не просто психопаткой-маньячкой, как он изначально думал. Но с ней было что-то странное. Точно так же, как когда она стояла над ним после того, как бросила в него Нептун, на её лбу светилось слабое свечение, но он не мог ясно видеть его из-за волос. Что бы это ни было, с ней и с PR кораблями в целом что-то не так.

Пока он размышлял о PR кораблях, внезапный взрыв отбросил их в маленькую комнату, они ударились о стену, и упали на пол, а затем за ними закрылась металлическая дверь.

Со стоном Лелуш встал и вырвался из рук Ойген, прежде чем проверить, как она. Её глаза были закрыты, а на лице было немного крови, но она всё ещё была жива. Хорошо. Затем он принялся осматривать своё окружение. Они находились в маленькой металлической комнате, похожей на цилиндр, с небольшим освещением на потолке, креслом, которое выглядело так, как будто оно стоять на истребителе, а также чем-то похожим на сенсорный экран, который был слишком высок, чтобы он мог до него дотянуться.

Внезапно заговорил автоматический голос, но из-за того, что он говорил по-немецки, он не смог понять, что говорит голос, пока комната, в которой они находились, не начала дрожать, и голос зазвучал так, как будто он начал отсчитывать время. Затем до него дошло, что это такое, это была своего рода спасательная капсула, и она каким-то образом была активирована. В панике он попытался поднять Евгению на стул, но даже с силой Манджу он еле успел поднять её вовремя.

Когда голос достиг того, что, как он предполагал, было одним, капсула сильно затряслась, а он обнаружил, что прижат к полу, когда капсула взлетала в воздух, его разум размышлял о том, кто разработал эту штуку и почему она включилась сама?

Как раз в тот момент, когда он подумал, что хуже уже быть не может, капсулу внезапно сильно тряхнуло, в корпусе образовалась большая дыра, и послышался громкий звуковой сигнал. Капсула попала в кого-то, вероятно, в один из самолетов, которые их атаковали. Очень маловероятное событие, но, тем не менее, оно произошло.

Лелуш изо всех сил держался за кресло, но на него налетел ветер и капсула вышла из-под контроля. Бессознательное тело Ойген было отброшено к стене, а капсула вращалась всё быстрее и быстрее, писк становился всё громче и громче, и с громким хлопком пришла темнота.

http://tl.rulate.ru/book/69023/2286411